

Иеромонах Арсений (Троепольский): «Очерк странствования моего по бурному морю житейскому»

Иеромонах Арсений (в миру Валентин Троепольский; 1804–1870 гг.) попал в поле зрения филологов и историков в 1990-х гг. и стал одним из пристально изучаемых духовных писателей XIX в. Первым к его личности обратился А. М. Пентковский¹, а вслед за ним и другие исследователи². Полное собрание сочинений о. Арсения, будь оно издано, могло бы составить несколько томов. Однако только в последние годы очень немногие его труды увидели свет, было и несколько прижизненных публикаций. О. Арсений посвятил своему духовнику, о. Илариону (Ремезову), статью «Очерк жизни старца Илариона, иеромонаха и духовника московского общежительного Симонова монастыря», вышедшую в журнале «Странник»³. Исследователи прошли мимо еще 2 прижизненных публикаций духовного писателя. Брошюра «Рассуждение о бессмертии души, или доказательства бессмертия, почерпнутые из разума и Слова Божия, с разрешением возражений против оногo» (М., 1846), вероятно, была его визитной карточкой при жизни. 6 экземпляров этой 73-страничной книжки поступило в книгохранилище московского Симонова монастыря, в летописи скита Оптиной пустыни иеромонах Арсений упоминается как автор данного сочинения⁴. В «Калужских епархиальных ведомостях» была опубликована заметка о. Арсения «Празднование дня святого равноапостольного князя Владимира в Боровском Пафнутиевом монастыре»⁵. До 1990-х гг. подавляющее большинство его сочинений можно было найти лишь в архивных фондах, причем тексты не всегда четко атрибутированы, поскольку многие из них не подписаны.

После долгих усилий исследователей, прежде всего Пентковского, был очерчен круг произведений о. Арсения. Укажу вкратце то, что атрибутируют

* © Запальский Г. М., 2010

Глеб Михайлович Запальский, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Церкви Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, редактор Церковно-научного центра «Православная энциклопедия».

ему в настоящее время. Тексты большей частью сосредоточены в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ): основной массив автографов духовного писателя хранится в Музейном собрании. Сюда поступил написанный его рукой многотомный «Подвижнический сборник», из 15 частей, заявленных автором, до нас дошли не все. 3-я часть сборника имеет заголовок «Откровенное послание пустынного отшельника к своему старцу и наставнику во внутренней молитве» (ф. 178, № 10947; тот же текст в переписанном виде хранится в фонде Оптиной пустыни: ф. 214, Опт.-715) и представляет собой подробнейшее откровение помыслов, молитвенный дневник, который иеромонах Арсений вел с 1833 по 1870 г. (писатель предпринял незатейливую попытку скрыть свое авторство: текст назван «переводом с иностранного», даты переведены на 100 лет назад — в XVIII в., а названия топонимов сокращены до нескольких латинских букв). Завершает повествование «Ответ наставника на откровенное послание ученика его». 5-я часть «Подвижнического сборника» содержит «Мысли и наблюдения о внутренней жизни» — 76 разрозненных статей о молитве, безмолвии, средствах спасения (ф. 178, № 10948). 7-я часть носит название «Учение о молитве» и представляет собой подборку высказываний «О молитве вообще», «О молитве в особенности, или о Иисусовой молитве», по историографии «умственного делания», о благодатных плодах молитвы, о прелести и т. п. (Там же, № 10949; копия в фонде Оптиной пустыни: ф. 214, Опт.-655). 8-я часть — трактат «О христианском наслаждении жизнью на земле», построенный в форме переписки и состоящей из нескольких тем: «Отрывки из наблюдений над жизнью», «Средства к утешению в скорбях», «Наслаждение созерцанием любви Божией к человеку» (ф. 178, № 10950; копия в фонде Оптиной пустыни: ф. 214, Опт.-656). 9-я часть — «Цветник, или Ручная книжка» — содержит рассуждения о молитве, об исповеди и причастии, о неосуждении, о смирении, а также Житие прп. Арсения Великого и др. (ф. 178, № 10951). 10-я часть представляет собой рукопись «Искатель непрестанной молитвы, или Рассказы странствовавшего, записанные слышавшим...», в которой приведены 7 рассказов странника (Там же, № 10952). Вариант произведения, включающий первые 4 рассказа, хранится в фонде Оптиной пустыни под названием «Рассказ странника, искателя молитвы» (ф. 214, Опт.-455, 456)⁶. Эти тексты лежат в основе знаменитых «Откровенных рассказов странника духовному своему отцу», в которых протограф иеромонаха Арсения был несколько изменен. 11-я часть — «О Священном Писании» — состоит из глав «Воззвание к чтению Слова Божия», «Наставление, как читать Слово Божие», краткого пересказа книг Нового Завета, толкования на некоторые места, симфонии по предметам, упоминаемым в Новом Завете, и др. (ф. 178, № 10953).

В фонде Оптиной пустыни в ОР РГБ хранится несколько трудов о Арсения, не связанных с «Подвижническим сборником». Это, в частности, «Письма о плодотворности замечания и записывания полезных мыслей», куда вошли разрозненные воспоминания, духовные рассуждения, пересказы отдельных текстов Священного Писания и трудов отцов Церкви. «Письма...»

посвящены нескольким темам: занятию Иисусовой молитвой, внимательности при молитве, «духовной сухости» и способам борьбы с ней, посещению храма, памяти смерти, безмолвию (ф. 214, Опт.-411, 412)⁷. Еще одну книгу составили автобиографические сочинения «Записки для моей грешной, окаянной и слабой памяти» и «Излияние сердца» (ф. 214, Опт.-449).

В собрании рукописных книг библиотеки Симонова монастыря хранится «Сборник учительный» (ОР РГБ, ф. 886, оп. 1, № 30) с записями о. Арсения («О духовной сухости», «О возбуждении к молитве», «О средствах для внутреннего мира»), которые перекликаются с «Письмами о плодотворности замечания и записывания полезных мыслей». В Отделе рукописей Государственного Исторического музея, в собрании Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, находится текст «Четыре книги о молитве» с этимологическим разбором слова «молитва» в некоторых языках, очерком истории внутренней молитвы в разных религиозных традициях и проч. (ГИМ, Воскр. № 147). По копии из Парижской Славянской библиотеки в журнале «Символ» было опубликовано еще одно сочинение иеромонаха Арсения — «Память о молитвенной жизни старца Василиска, монаха и пустынника сибирских лесов»⁸. Автор обильно заимствовал материал из произведений схимонаха Зосимы (Верховского), описателя жизни и молитвенных подвигов старца Василиска. При этом «Память...» написана иным языком, в другом жанре — в форме послания «возлюбленному о Господе брату», в ней есть и самостоятельные рассуждения о. Арсения.

К текстам, вышедшим из-под пера духовного писателя, можно добавить обнаруженные мной в ОР РГБ 3 его письма: оптинским иеромонахам Моисею (Путилову) (1834 г.) и Антонию (Путилову) (1835 г.), а также литератору Н. В. Сушкову (1865 г.)⁹.

С юного возраста Валентина Троепольского отличала склонность к самопознанию, рефлексии, духовной жизни, молитве. Впоследствии он рассказывал, что уже в 13-летнем возрасте «пламенел желанием созерцательной жизни»¹⁰. Юноша постоянно думал о монашеском призвании. Будучи студентом Московского университета, он спрашивал себя: «Могу ли оставить звание к уединенной жизни, обратиться к общественной? Никак! Ибо, оставивши, буду несчастен как в сем веке, так и в будущем»¹¹. Основным стремлением в его жизни стали любовь к молитве (особенно к Иисусовой молитве), изучение ее теории и практики. Эта тема заняла центральное место и в его литературном творчестве.

«Сангвинический, суетливый темперамент» иеромонаха Арсения (по его же определению) сочетался со страстью к фиксации информации на бумаге, ее систематизации, анализу, выстраиванию системы доказательств. На страницах его трудов писатель соперничает с юристом, недаром он слушал в университете и филологические, и юридические курсы. О. Арсений приучил себя скрупулезно, как естествоиспытатель, регистрировать все свои молитвенные опыты, количество прочитанных молитв, испытанные чувства, мысли, а затем раскладывать их по полочкам. Удивительны те ощущения, ко-

торые порождались его занятиями: «спокойствие, самодовольство, уверенность, тишина помыслов и равнодушие к привычкам», «чувствования свободны, радостны и любвеобильны». Речь идет и о чисто физических ощущениях: «благотворная тонкая боль в сердце», «ощущение теплоты, подобно кружку, — на сердечном месте», «некое приятное раздражение, или как бы шекотание в сердце», «теплота полукружием к левому плечу», «иногда как бы точит приятную тяжесть и теплоту в сердце» и т. п.

Его сочинения, нередко оформленные в виде писем или диалогов со старцем, с «возлюбленным о Христе братом», а то и между совестью и разумом, создавались в первую очередь не как литературный акт, а как средство для собственного назидания. Автор широко пользовался книгами Священного Писания, трудами отцов Церкви и новых духовных писателей, брал из них многочисленные цитаты для своих сочинений. Он приводил из этих источников массу примеров, когда призывание имени Христа производило чудеса; вспоминал, как в его собственной жизни Иисусова молитва приносила утешение и помощь. Писатель постоянно побуждал себя: «Не слушай вражеской мысли, говорящей тебе: сперва делай то или то, а потом и будешь молиться. Предпочитай молитву всякому делу. Она всего выше, всего нужнее. Долго ли помолиться? Исполнив хотя краткую молитву, можешь еще заняться и прочими делами благочестия»¹². «Откровенное послание пустынного отшельника к своему старцу и наставнику во внутренней молитве» о. Арсения снабдил массой необычных указателей. Он выделил примеры из своей молитвенной практики, возбуждающие усердие (с указанием страниц, где они описаны); «исключительные дни для Иисусовой молитвы» (рекорды по числу произнесенных молитв); «опыты непрестанного полудневного возвращения [направления внимания внутрь себя. — Г. З.]» и т. п. Автор неоднократно перечитывал свой обширный труд и даже оставлял записи об обстоятельствах чтения и о произведенном впечатлении. Хотя некоторые трактаты иеромонаха Арсения изложены слишком пространно и больше подходят «для внутреннего пользования», его опыты самопознания и исследования молитвы не могли остаться незамеченными.

Литературные труды о. Арсения перекликались с исихастской традицией, опытом афонских и русских подвижников. Насколько его сочинения были востребованы в XIX в.? Авторитетные исследователи молитвенного делания той эпохи — святители Игнатий (Брянчанинов) и Феофан Затворник (Говоров), оптинские старцы — явно были с ними знакомы. О. Арсений жил в Троице-Сергиевой пустыни в 1837 г. по приглашению архимандрита Игнатия (Брянчанинова), который после его отъезда заметил в письме к бывшему обер-прокурору Святейшего Синода С. Д. Нечаеву (1841 г.): «Вы познакомились с о. Арсением Троепольским! Точно, он добрый человек: я находил понятие его о монашестве более ученым, чем опытным, более удовлетворительным для ума, чем для сердца. Не знаю, в каком положении он теперь. Дай Бог всем спастись от змиев — страстей наших, коим помогают другие змеи — демоны»¹³. Для архимандрита Игнатия подход иеромонаха Арсения не был очень близок и казался слишком теоретическим, умозрительным. Епископ

Феофан Затворник использовал составленные о. Арсением «рассказы странника» при подготовке издания «Откровенных рассказов странника духовному своему отцу» (Казань, 1883, 1884). Он подверг текст редактуре, прежде всего добавил в повествование фигуру духовного отца, стремясь, по словам Пентковского, «воцерковить» странника. Очевидно, свт. Феофан видел в труде о. Арсения правильное учение о молитве, но в то же время усматривал опасность для неопытных читателей, которые захотели бы подражать главному герою.

О. Арсений был тесно связан с Оптиной пустыней. Он жил здесь в 1833–1835 гг., общался со старцем Львом (Наголкиным), затем в 1853 г. приезжал в гости. Многие сочинения духовного писателя хранились и переписывались в Оптиной, что свидетельствует об интересе к его личности. Однако оптинские старцы относились к ним настороженно. «Память о молитвенной жизни старца Василиска...» вызвала критический отклик старца Макария (Иванова), написавшего «Предостережение читающим духовные отеческие книги и желающим проходить умную молитву Иисусову и о смирении». Иеросхимонах Макарий подчеркивал, что в посвященной старцу Василиску рукописи говорится лишь о радостях и утешениях, которые дарит умная, внутренняя молитва, но не упоминается об опасностях, грозящих тем, кто ее проходит, особенно неопытным¹⁴. В Оптиной учили осторожности: чтобы не впасть в прелесть, монашествующий должен был соблюдать постепенность при молитвенном углублении и, самое главное, поверять себя советами старца. В ОР РГБ я обнаружил письмо другого уважаемого оптинского насельника, игумена Антония (Путилова), от 1854 г. В нем автор скептически отозвался о молитвенной практике «отца Арсения, коего мудрование — как не во всем согласное с учением святых отец — весьма сожалительно!.. Молитвословие церковное толикою имеет силу и важность, что церковное едино Господи помилуй [подчеркнуто автором.— Г. З.] превосходит все келейные духовные упражнения... Нынешние отцы свои умствования не только не поверяют с учением св[ятых] отцов, но еще и выше свое ставят, а посему нередко и заблуждаются от истинного разумения»¹⁵. Любопытно, что это важное послание было опубликовано в сборнике писем игумена Антония¹⁶. Но в самом главном месте там стоит не имя о. Арсения, а многоточие. Дело в том, что в публикации, как и в других дореволюционных изданиях писем старцев, акцент был сделан на общих назидательных словах, а конкретные имена удалялись. Так что сотни людей, читавших опубликованные письма Антония, не могли догадаться, чье же «мудрование» он критикует, а разгадку хранил лишь архивный оригинал.

Похоже, что о. Арсений нигде не стал своим, а его опыт не получил широкого признания. Познакомившись в начале монашеского пути со старчеством и наукой внутренней молитвы, он затем развивался по большому счету как самородок, одиночка, мало общавшийся с другими монахами. Его больше всего занимала собственная молитвенная теория и практика. Примерно с 30 лет он кочевал по монастырям и искал скорее не опытных наставников, а уединенные места, где можно было сосредоточиться на своих мыслях. Из-за этого ему был закрыт путь в Троице-Сергиеву лавру и Вос-

кресенский Новоиерусалимский монастырь, где его отказались принять «вследствие замеченного непостоянства... свидетельствуемого переменною многих мест жительства». Это его не смущало. «Ничто так не полезно, ничто так не благотворно, как молитва, особенно наедине»¹⁷, — писал иеромонах Арсений. Даже священнослужением он несколько тяготился, пусть и под влиянием физической немощи. В Киево-Печерской лавре в 1835 г. он писал: «Только мне здесь та выгода, что я успел официальным образом исходатайствовать желаемое мною: я подавал прошение о оставлении священства, на которое вышла резолюция, что во уважение представленных резонов могу совсем оставить священнослужение»¹⁸. Самооценка о. Арсения всегда проникнута смирением. «Чувствуя свое недостойнство, леность, скудость и порочность, чем могу превозноситься?» — спрашивал он себя¹⁹. Но при этом в своих трудах он больше останавливался на утешениях, которые дарит молитвенная жизнь, чем на скорбях и искушениях. Возможно, отрадные воспоминания укрепляли его самого на пути подвижничества, но такое средство пригодно не для каждого. Авторитетные монахи выражали осторожное отношение к произведениям иеромонаха Арсения, подавляющее большинство которых не было опубликовано в XIX в. Однако его творчество, несомненно, было явлением духовной литературы той эпохи, и оно постепенно находит дорогу к читателю спустя много десятилетий после смерти автора.

Ниже публикуются 3 автобиографических текста иеромонаха Арсения (Троепольского). Нужно заметить, что он никогда не стремился создать подробные мемуары, но воспоминания об отдельных назидательных эпизодах из своей жизни, выстраивание их в определенном порядке было для него важной потребностью, отразившейся во многих сочинениях. Публикуемые тексты носят чисто автобиографический характер. Они созданы в разное время (между первым и последним прошел 41 год, большая часть жизни автора), с разными целями, фокусируют внимание на разных этапах жизни автора, написаны в разном стиле и прекрасно дополняют друг друга.

Первый текст — отрывок из «Излияния сердца», сочинения, хранящегося в архиве Оптиной пустыни²⁰. Это автограф Валентина Троепольского (на последней странице подпись: «Недостойный и многогрешный раб Валентин»²¹), рукопись в картонном переплете с кожаными корешком и углами, на верхней крышке печатными буквами выдавлена надпись: «Consolation». В тексте используются славянские цифры (они воспроизводятся в настоящей публикации). Автор начал составлять «Излияние сердца» 24 ноября 1824 г., еще до вступления в монастырь, и должен был окончить свой труд не позднее 21 декабря того же года. Документ представляет собой рассуждение юноши о «состояниях жизни»: общественном, или мирском, и уединенном, или монашеском; а также о собственном предызбрании к монашеству. Троепольский пишет прежде всего для собственного назидания: «Пишу собственно для себя, а не для других; или, лучше сказать, изливаю мое сердце посредством сих черт на сию хартию»²². Но у него есть и другая задача: в конце текста он обращается к отцу («всепопечительному родителю») с просьбой дать благословение «на шествие по тому пути, по которому я рано или поздно, ныне или завтра,

чрез год или чрез два, однако ж необходимо итти должен»²³. Произведение поделено на 3 части: «О том, что из всех состояний жизни есть удобнейшая и выгоднейшая жизнь уединенная...», «Кто имеет врожденное влечение, правостию намерения украшенное, к какой-либо жизни, тот к ней Божиим промыслом предызбран», «Не должно удерживать такое влечение...». Ко 2-й части относится и публикуемый ниже отрывок, в котором автор вспоминает важные с точки зрения выбора жизненного пути события детства и юности.

Второй текст — «Записки для моей грешной, окаянной и слабой памяти» (автограф) — помещен в той же рукописи²⁴, но датируется несколькими годами позднее. Судя по последнему упоминаемому событию, он составлялся в 1828 г., когда автор был уже послушником Симонова монастыря. Записки наиболее подробно освещают период его жизни в этой обители (1825–1828 гг.) и изложены в форме монастырской летописи. Язык произведения намеренно архаизирован и насыщен церковнославянизмами.

Наконец, последний текст — автограф письма иеромонаха Арсения Н. В. Сушкову от 21 августа 1865 г., хранящийся в архиве последнего²⁵. Обстоятельства знакомства литератора Н. В. Сушкова (1796–1871 гг.) с о. Арсением неизвестны. Оно могло произойти в 1840-х гг., когда оба находились в Москве. Иеромонах жил в Заиконоспасском, а затем в Симоновом монастырях. Сушков, вышедший к этому времени в отставку, был хозяином оживленного литературного салона, где бывала «вся Москва». Он следил за судьбами воспитанников Московского университета и вдобавок интересовался людьми Церкви, с тех пор как, покаявшись после дуэли, стал глубоко верующим человеком. Все эти обстоятельства, вероятно, привлекли его внимание к личности иеромонаха Арсения, который, по просьбе Сушкова, изложил автобиографию в письме. Здесь описаны основные события жизни, перемещения между монастырями, назначения на должности вплоть до 1860-х гг.

Все 3 текста публикуются впервые. Первые 2 из них уже использовались исследователями, третий обнаружен мною и впервые вводится в научный оборот. Эти источники позволяют в деталях проследить судьбу духовного писателя, узнать о его переживаниях, мотивах его поступков. В них встречаются обильные цитаты и указания на прочтенные им книги, что помогает определить круг литературных источников его творчества. В публикуемых текстах упомянуты некоторые сочинения о. Арсения, еще неизвестные исследователям, тем самым обозначается направление дальнейших поисков. Нельзя не сказать и о том, что автобиографии монашествующих, особенно 1-й половины XIX в., — явление редкое. Тексты о. Арсения могут быть сопоставлены, например, с «Путевыми записками утлой лады по бурному житейскому морю» послушника Семена Хруцова (1797–1868 гг.), созданными в начале 1860-х гг.²⁶ Вполне возможно, что о. Арсений знал о них, и не исключено, что под их влиянием обозначил свою исповедь Н. В. Сушкову как «очерк странствования моего по бурному морю житейскому». Этих авторов многое объединяет: и Хруцов, и Троицкий происходили из дворян, обучались в Московском университете, покинули мир и недолго в разное время жили в Оптиной пустыни.

В примечаниях к публикуемым произведениям я не только комментирую упоминаемые имена, названия и скрытые цитаты, но и привожу дополнительные подробности жизни о. Арсения, опираясь на данные других его произведений и многих обнаруженных мною документов из ОР РГБ, Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ), Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Государственного архива г. Севастополя (ГА ГС)²⁷. В результате судьба духовного писателя представлена с наибольшей на сегодняшний день полнотой и точностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Пентковский А. М.* Кто же составил Оптинскую редакцию «Рассказов странника»? // Символ. 1994. № 32. С. 259–278; *он же.* Кто написал «Откровенные рассказы странника» // Журнал Московской Патриархии. 2010. № 1. С. 54–59.
- ² *Котельников В. А.* Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной. М., 2002. С. 37–43; Преподобный старец Зосима Верховский: Творения / Сост. Т. М. Судник. Сергиев Посад, 2006. С. 27–33; *Каширина В. В.* Литературное наследие Оптиной пустыни. М., 2006. С. 322–323; *Запальский Г. М.* Оптина пустынь и ее воспитанники. М., 2009. С. 182–199.
- ³ Странник. 1863. № 4. 1 паг. С. 5–16.
- ⁴ Опись книгохранилища и письменности Симонова монастыря (ЦИАМ, ф. 420, оп. 1, д. 1849, л. 36); Летопись скита Оптиной пустыни (ОР РГБ, ф. 214, Опт.-361, л. 161 об.).
- ⁵ Калужские епархиальные ведомости. 1869. № 14. С. 351–355.
- ⁶ Опубликовано: Символ. 1992. № 27. С. 7–77.
- ⁷ Письма опубликованы: Христианство и русская литература. Сб. 5. СПб., 2006. С. 458–578.
- ⁸ Символ. 1994. № 32. С. 279–340.
- ⁹ ОР РГБ, ф. 213, к. 91, д. 1; к. 58, д. 2; ф. 297, к. 10, д. 4.
- ¹⁰ *Арсений (Троепольский), иером.* Письма о плодотворности замечания и записывания полезных мыслей // Христианство и русская литература. Сб. 5. С. 469.
- ¹¹ ОР РГБ, ф. 214, Опт.-449, л. 69.
- ¹² *Арсений (Троепольский), иером.* Письма о плодотворности... С. 477.
- ¹³ *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Полное собрание творений. Т. 8. М., 2007. С. 27–28.
- ¹⁴ *Макарий (Иванов), иеросхим.* Предостережение читающим духовные отеческие книги и желающим проходить умную молитву Иисусову и о смирении. Оптина пустынь, 1908.
- ¹⁵ ОР РГБ, ф. 213, к. 57, д. 9, л. 30–30 об.
- ¹⁶ Письма к разным лицам игумена Антония, бывшего настоятеля Мало-Ярославского Николаевского монастыря. М., 1869. С. 109–111.
- ¹⁷ *Арсений (Троепольский), иером.* Письма о плодотворности... С. 479.
- ¹⁸ ОР РГБ, ф. 213, к. 58, д. 2, л. 1 об.
- ¹⁹ Там же, ф. 214, Опт.-449, л. 64.
- ²⁰ Там же, Опт.-449.
- ²¹ Там же, л. 81 об.
- ²² Там же, л. 45.
- ²³ Там же, л. 77–77 об.
- ²⁴ Там же, Опт.-449.
- ²⁵ Там же, ф. 297, к. 10, д. 4.
- ²⁶ Там же, ф. 214, Опт.-406. В 3 кн. Опубликовано в отрывках в кн.: Из «Путевых записок утлой ладьи по бурному житейскому морю». Сергиев Посад, 1916.
- ²⁷ Приношу благодарность за помощь в поиске дел А. М. Феофанову и К. Г. Капкову.

Излияние сердца¹

(отрывок)

Начиная рассматривать продолжение моего века, я нахожу многие знаки предызбрания Божия в жизнь уединенную и спасительную, явившиеся на мне, многогрешном сыне гнева, из коих первым почитаю таковой.

А [1]

Когда я, изучась чтению, учился в малолетстве священной истории, будучи наставляем полезными советами моей матери², тогда имел довольно живые чувства о вечности. Сие мне памятно потому, что в одно время я очень плакал при слушании тех благочестивых словес, коими объясняли мне пришествие на землю Сына Божия или Страшный Суд, а также и вечные награды святых и злейшие казни злых. Сие происходило, как могу припомнить, или в конце ✠АѠи [1808], или в начале ✠АѠи. [1809] года. Рассуждая о сем, не должен ли я признать пути промысла, который являл во оное время на мне свое действие? Ибо возможно ли, чтоб так сильно — даже до слез — тронула таковая высокая и трудная для понятия материя человека, имеющего самый младенческий возраст? Итак, я сие истинно признаю за предызбрание Божие; да еще в сем крепко уверяет меня и то, что я сие действие так живо помню, как будто бы в сей час вижу; и, конечно, таковое впечатление есть особенное действие, которое признаю я свыше. Да не подумает кто, что я сие сказал напрасно или пишу о пустом действии; свидетель тому есть Бог и совесть, что все сие было так, как написал.

В [2]

В ✠АѠи [1810] или ✠АѠи [1811] году, не припомню, когда я начал несколько помышлять о Боге, тогда имел некоторое наваждение противных тому помыслов, о чем весьма скорбел и со слезами исповедывал оные покойной моей матери, которая своими наставлениями тоску мою разгоняла и в добродетели и вере укреплять старалась. Что все сие так было, а не иначе, свидетельствую Богом и совестью и всеми жителями небесными.

Г [3]

Завлекаем был примерами благочестивых к молитве и большое впечатление делала на меня спасительная жизнь в конце ✠АѠи [1812] года.

Д [4]

Когда говорили мне о вечной жизни, тогда я крайне удивлялся и много со страхом размышлял о сем слове: что никогда не будет конца. Сие было в 1813 году, и истинно так сие живо помню, как в сей час вижу.

Є [5]

Великое получал удовольствие при чтении утренних молитв, которые читать имел за правило в каждое воскресенье пред обеднею, хотя имел некоторое препятствие, кажется, в 1813 же год. Что все сие как написал, а не иначе, свидетель тому Г[оспо]дь и моя совесть.

Ѕ [6]

Будучи увлекаем в 1814 году слушанием чтения житий святых, начал приниматься за духовные книги и так живо, как теперь помню, читал душеспасительные размышления.

З [7]

В 1815 году от слушания такового же чтения начал более и более распалаться сердцем к божественным книгам; и, наконец, в начале 1816 года принялся читать их; и во-первых приступил к чтению Тропника³, который читал с жарким сердцем и, чтоб более удержать в памяти, выписывал из оного некоторые благословные места; каковые выписки хранятся и доныне у меня в целости. Потом упражнялся в чтении разных проповедей, душеспасительных размышлений и «Православного исповедания веры».

И [8]

Начал расплодять мысли о спасении и изыскивать к оному способы (о коих за благо почитаю умолчать). Тут родилась мысль о монашеской жизни; и, почти никогда не видев монахов, когда случилось увидеть, воспален был жаркою ревностью к шествию по ним. Далее принялся за пост и молитву по Лествице небесного восхождения⁴, за Псалтирь, церковные чтения и за многие духовные книги, хотя и имел к тому некоторые препятствия. Приятное же прохождение времени состояло в том, чтоб слушать и самому говорить о вещах спасительных. Сие все происходило во весь 1816 год. Что все это неложно и истинно так было, как написал, свидетель тому Бог и совесть.

Ф [9]

Во С[вя]тый пост, продолжая ревность к пощению, начал несколько заниматься сочинениями св[ятителя] Димитрия⁵, которые чтены бывали во время болезни моей родительницы; и упражнялся в изучивании наизусть псалмов; в середине поста в первый раз сочинил на случай Воскресения Хр[ис]това стихи, которые имею и доныне. В начале маиа выбрал из священных Деяний⁶ синхроническую таблицу; а в конце окончил писанием молитву исповедания. В августе пришла мысль о предосторожности, т. е. начал пещися о том, чтоб в последствии времени не совратиться с помышления о спасительном пути, поелику часто мне о том говаривали, что такое-де твое намерение есть не прочное и что оно с течением твоих лет совсем исчезнет. Однако ж, слава Богу! Теперь вижу, что такое пророчество

осталось несправедливым^а. И по таковому случаю в октябре числа^б написал некоторое себе напоминание о том, что здания заложенные всегда должно стремиться к окончанию приводить. Каковое писание, находясь в целости, при сем прилагается⁷. В сем же месяце написал некоторую тетрадь под заглавием: «Келейные упражнения», для того чтоб каждый день, вставая от одра, ее прочитывать; потом, в продолжении сего времени пристрастившись к чтению сочинений св[ятителя] Димитрия и прочитывая их сидя по вечерам, поелику днем сего не мог по случаю воспреещения, выписывал из них разные утверждающие в благочестии места и разные молитвы; и еще в декабре из сих же сочинений выбрал некую [неразборчиво] книжку. Все таковые писания хранятся у меня и донныне в целости; и сим-то оканчивается ✠**аѠзи** [1817] год.

I [10]

Читая Четвы Минеи, брав их в церковь, выписал в Великий пост весь трактат о мытарствах⁸; и, продолжая пост, хаживал для моления под верх кровный⁹. В апреле писал о монашеской жизни от усердия к оной, а в июне ✠ [9] числа положил таковое обещание пред Богом, о котором истинно радуясь. И сии знаки происходили в ✠**аѠни** [1818] год.

АI [11]

В ✠**аѠеи** [1819] году принялся за чтение Библии, или книг Св[ященного] Писания, ужасаясь о скором пришествии Иисуса Христа; потом описывал содержание каждой книги и напоследок собрал родословие Иисуса Хр[ис]-та¹⁰; также в сие время писал и некоторые молитвы. Все сие цело и поныне.

ВI [12]

В июне ✠**аѠк** [1820] года, написав книжку молитв, начал читать церковную историю Георгия Кедрина¹¹; потом сочинял разные духовные мысли по алфавиту, которые остались не dokonчены по случаю приуготовления в университет¹². Поступивши же в университет, имел попечение более о том, дабы посредством худых примеров не отстать от спасительного пути, и в знак сего списал молитву, славящую Страсти Хр[ис]товы¹³. Сим оканчивается ✠**аѠк** [1820] год.

ГI [13]

Продолжая учение в университете, помышлял также и о спасительном пути, к коему намерение и прежде заложено было; и в знак сего во время Рождественской и летней вакансии написал книгу недельного правила и замечания из летописи святителя Димитрия¹⁴, которую начал читать вскоре по поступлении в университет. В конце же сего года списал толкование на божественную литургию. Все же таковые писания поистине происходили не для иной цели, как только чтобы, взирая на них, не отступать от заложенного намерения. Вот и ✠**аѠка** [1821] год!

Се, некоторые знаки являвшегося на мне предызбрания Божия, влекущего меня к спасительному пути посредством уединенной жизни! Ибо во все

^а В рукописи далее примечание автора: Я и сие почитаю за знак предызбрания: ибо хотя и несправедливое было то пророчество, однако ж оно оставалось с пользою, поелику давало знать о всегдашней осторожности как главном пункте человеческого благополучия.

^б В рукописи число не указано.

продолжение одного времени мысль о монашестве более всего наполняла мою голову и тринадцатилетнее¹⁵ явление на мне Божиего промысла не давало забыть, что я к таковой жизни предызбран. Что все описанные мною знаки есть истинные и неложные, в том, во-первых, готов принять все клятвы и свидетельствовать всем, что есть свято; во-вторых, имею ясные тому доказательства, писанные в то время; ибо все те писания, о которых я упомянул, блюдутся у меня до сего времени в целости¹⁶; и, в-третьих, может свидетельствовать собственное видение моих родителей и родственников. Что они — совершенно по Божию смотрению, сию мысль и самая смерть из сердца моего не исторгнет, поелику человек и когда-либо благой мысли сам по себе иметь не может, а всякое довольство происходит от Бога, как утверждает Священное Писание¹⁷, то колыми же паче без предызбрания Божия не может иметь оную долгое время. Хотя и еще таковые же знаки я живо помню, однако ж благонамеренно хочу об оных умолчать, да не почтут за превозношение, которого я иметь не могу, ибо, чувствуя свое недостойнство, леность, скудость и порочность, чем могу превозноситься?..

Записки для моей грешной, окаянной и слабой памяти¹⁸

†

Г[оспо]ди, благослови!

Родители мои, Петр Иоаннович¹⁹ и Мария Петровна²⁰, по благочестивому христианскому закону бракосочетались в богоспасаемом граде Москве 1799 года, августа 26 числа, на память с[вя]тых мученик Адриана и Наталии, во храме Живоначальная Троицы, что в Троицкой, близ архиерейского дома²¹.

Во гресех моих роди мя мати моя [Пс 50. 7] 1804 года от Р[ождества] Х[ристов]а, м[еся]ца февраля 26 числа, в четыре часа пополудни, иже бысть в течение Сырных седмицы; и наречено ми бысть /окаянному/ имя Валентин, святым же крещением просвещен 3 марта, на память с[вя]тых мученик: Евтропия, Клеоника и Василиска.

1816 года, м[еся]ца ноемвриа в 23 день, в 12 часов пополудни преставилась родительница моя Мария; погребена 26 числа, в воскресенье, на Ваганьковском погосте. Ч. к. Б. М.

Лета Г[оспо]дня 1824, м[еся]ца декемвриа в 21 день, в 12 часов без 7 минут родитель мой Петр преставился к вечней жизни. Погребен 23 в субботу в материнской могиле. Егда же он умираше, аз, окаянный, чтох канон о исходе души. Тогожде лета после с[вя]тых Богоявлений поехал аз грешный на поклонение преподобному Сергию в лавру. И тако осиротех аз немощный! Покой их Г[оспо]ди во Царствии Твоем! Добрые были мне родители! Вечная память!

Лета Г[оспо]дня 1825, м[еся]ца маиа, 14 числа, на память с[вя]того мученика Исидора, иже во острове Хиосе, вступил аз недостойный в Симонов монастырь, что на Москве. Г[оспо]ди, благослови начало! Тогожде лета, м[еся]ца ноемвриа в 5 [6] день, в утренний благовест преставилась двоюродная сестра моя девица Елисавета, 24 лет от рождения. Упокой, Г[оспо]ди,

непорочную д[у]шу ее! Тогожде лета, м[еся]ца августа 1 числа, на праздник происхождения честных древ Кр[ес]та Г[оспо]дня по благословию настоятеля²² облечен в ряску. Радуйся, д[у]ше моя, о Г[оспо]де!.. Тогожде лета, в м[еся]це декемврии написал историю нашего м[о]н[ас]т[ы]ря под руководством его преподобия отца духовника и ризничего г[осподи]на иеромонаха Илариона²³, моего благодетеля, почтеннейшего старца и патрона. Да спасет его Б[о]г за его благочестие и доброту!..

Лета Г[оспо]дня 1826, м[еся]ца ианнуариа 10 числа во время вечернего пения преставился о Хр[ис]те брат наш Матфей Стефанович, во иноцех Макарий. Вечная память! Тогожде лета, м[еся]ца маиа 9 числа, на память иже во с[вя]тых отца нашего Николая, архиеп[ис]к[о]па Мирликийского, чудотворца, пошел во град Иарославль на поклонение новоявленной чудотворной иконе Пр[есвя]тыя Б[огороди]цы²⁴. В лавре преподобного Сергия был принят благосклонно настоятелем²⁵ и братиею; откуда прибыв в Ростов, находился в Иаковлевском м[о]н[ас]т[ы]ре, за благословением г[осподина] архимандрита Иннокентия²⁶, довольное время. Потом за м[о]л[и]твами с[вя]тителя Хр[ис]това Димитрия достиг и Иарославля, где, благодатию Пр[есвя]тыя Б[огороди]цы пребыв двое суток, паки в Иаковлевский монастырь возвратился, где и сподоблен С[вя]тых Хр[ис]товых Таин. По сем в начале июня возвратился в Симонов м[о]н[ас]т[ы]рь благополучно. Тогожде лета, м[еся]ца иулиа 10 числа получен из канторы Св[ятейшего] Синода указ о включении меня, недостойного послушника, в число братства Симонова м[о]н[ас]т[ы]ря. Блажен путь, вонже идиши, грешная моя душе! Яко уготовася тебе место упокоения²⁷.

Тогожде лета, в августе м[еся]це по предложению отца архимандрита²⁸ подал челобитное прошение, которое состояло в нижеследующем: «С[вя]тый и первоверховный ап[осто]л Павел, желая своинствовать душу правоверного христианина в полк Б[о]жий, советует воспринять шлем спасения и меч духовный [Еф 6. 17], каковое обстоятельство полагая мощным средством к отражению невидимых врагов и к постоянному в деле правды пребыванию. А как прообразование, или видимое явление и присное напоминание сего благодетельного средства, сокрыто в благочестивом монашеского образа облачении, того ради и я, недостойный и многогрешный, приемлю смелость утруждать В[аше] в[ысокопреподобие] сею нижайшею моею прозбою о благословении облещи меня в расофор, или малый монашеский образ. Ношение коего — с верою уповаю, — что при помощи Б[о]жией будет для меня уздою, востязующею от всяких путей неправды, обязуя присно оправдывать внешний вид внутренними знаками духовного воина, распрягшегося житейских кўплей. Таким образом, надеюсь найти в В[ашем] в[ысокопреподобии] того отца, который сыну, просящему хлеба, не похочет подать камень [Мф 7. 9], буду молить человеколюбца Б[о]га о здравии и спасении В[ашего] в[ысокопреподобия]...». На оное прошение резолюция отца архимандрита последовала таковая: «Во уважение резонов, прописанных просителем, а также и для благолепия св[ятой] Церкви, по нахождению его в числе клирошан, пострижение благословляется». Вследствие чего сего же августа 27 числа, на

память преподобного отца нашего Пимена Великого, еже бысть день пятничный, аз окаянный в вечерний благовест пострижен в рясофор, иже обручение великого ангельского образа. А на утро, за раннею б[ожественною] литургиею сподоблен С[вя]тых Хр[ис]товых Таин чрез благоговейного отца духовника²⁹. Б[о]же милостивый! Благослови начало и соверши дело!..

Лета Г[оспо]дня 1827, м[еся]ца ианнуариа 6 ч[исла] преставися раб Б[о]жий сея честныя обители болящий схимонах Софроний³⁰. Блажени плачущии!.. [Мф 5. 4] Вечная память! Тогожде лета, на третьей седмице С[вя]того поста, во вторник посещен искушением, открывшимся попущением Б[о]жиим в горении убогой моей келлии. После чего собирал книгу о Ии[су]совою молитве, каковая за благословением моего благодетельного старца и окончана 4 марта³¹. Г[оспо]ди Ии[су]се С[ы]не Б[о]жий, помилуй мя грешного!³² Тогожде лета, в июне м[еся]це сподобился быть в пустынном Николаевском Пешношском м[о]н[ас]т[ы]ре на празднование пр[еподобного] Мефодия³³. Се, удалихся бегая и пр. [Пс 54. 8]..

Тогожде лета, октомвриа 6 ч[исла] преставися раб Б[о]жий иеродиакон Феодосий Бакурéвич³⁴, о Хр[ис]те брат наш. Покой его Г[оспо]ди! Дние ч[ел]о[в]е[ч]еские яко сень преходят [Пс 143. 4]. Тогожде лета, в м[еся]це ноемврии окончал за м[о]л[и]твы с[вя]тых о[те]ц и за благословением пречестного отца духовника историю монашества с расположением учения оною. Да назидается худость моя! От Г[оспо]да стопы ч[ел]о[в]е[ч]еку уставляются [Пс 36. 23]. Тогожде лета, м[еся]ца декемвриа 12 были с е[го] в[ысокопреподобием] отцом архимандритом в Воскресенском м[о]н[ас]т[ы]ре, что Новый Иерусалим.

Лета Г[оспо]дня 1828, м[еся]ца ианнуариа в день^а о Хр[ис]те брат отец^б вступил в Новоспасский м[о]н[ас]т[ы]рь во испытание послушания. Да укрепит его десница Г[оспо]дня!..

Письмо Н. В. Сушкову

Ваше превосходительство!

Вам угодно было, чтоб я представил — очерк странствования моего по бурному морю житейскому — воззрению Вашему. Преимущество сторон темных в жизненном моем пути пред осененными слабым лучом света хоть и подлагает под перо мое некоторую застенчивость, но обязанность исполнимости послушания — как необходимой принадлежности монаха — ободряет меня при сем слабом начертании.

Родясь и воспитавшись в Москве, я по окончании университетского филологического курса³⁵ прямо вступил в московский Симонов монастырь вследствие непреодолимого желания моего монашеской жизни, возникшего с 10 лет моего возраста. Вскоре пострижен в монашество и рукоположен

^а В рукописи число не указано.

^б Далее зачеркнуто: Василий Трубчанский.

в сан иеродиакона и иеромонаха в оном же монастыре³⁶, в котором и жил постоянно 8 лет под руководством известного по благочестию старца Илариона. Жизнь его в возможной полноте изложил я в одном из духовных журналов...³⁷

Увлеченный любовью к безмолвию и стремлением к изучению внутренней жизни и видя препятствие к оному от суеты мира, получившей доступ в неопытную и слабую душу мою, я поспешно удалился — бежал от плинфоделания египетского в обетованную Оптину пустыню (Калуж[ской] епар[хии])³⁸. Там под влиянием духовных старцев³⁹ — опытных руководителей — три года я изучал, как в самой обители сей, так и в ските при оной⁴⁰, жизнь монашескую — пневматологическую⁴¹, и был доволен моим жребием.

Потом не укорененная еще преданность воле Божией и последование своей испорченной воле увлекли меня, по предложению знавшего меня Преосвященного епископа — викария Киевского⁴², переместиться в Киево-Печерскую лавру⁴³. Здесь, проходя служение в «великой церкви» лавры и многотрудное клиросное пение, я впал в жестокую хроническую и неисцельную болезнь — двойную грыжу⁴⁴. Преосвященный викарий взял меня к себе в Златоверхий Михайловский монастырь, успокоил от всех трудных послушаний и определил в должность казначея и присутствующего члена духовного правления⁴⁵.

Заботы по должности, несовместные с моим сангвиническим, суетливым темпераментом, дали мне заметить в себе худое состояние внутреннего моего человека; и я, упросивши епископа, долго не соглашавшегося отпустить меня от себя, оставив все мои должности, пустился в Валаамскую пустыню С[а]н[к]т-Петерб[ургской] епархии. Доехав до Сергиевой пустыни, настоятелем оной известным о[т]цом архимандритом Игнатием Брянчаниновым удержан был в сем месте⁴⁶; где, прожив полтора года, страдал от многолюдной столичной шумности и, ища отсечения худой и непостоянной воли моей уединением и сокрытием себя в безвестности, переместился в синодальный Заиконоспасский монастырь⁴⁷. Восемь лет проживя в сем монастыре в совершенном устранении от всех служений и послушаний, токмо исполняя повременно должность духовника высшего отделения — при духовной семинарии⁴⁸, я успокоивался сим глубоким уединением и с радостью прилежал внутреннему моему делу.

Наконец, сия безмолвная, беспопечительная и небрежная о внешности жизнь обратила на меня внимание многих прежде знакомых и вновь познакомившихся, кои начали часто посещать меня, требуя назидательных советов, и ради очищения совести исповедию. А притом я избран был и служащим при церкви Московского комитета о разборе и назидании нищих братьев с возложением на меня попечения о их нравственности и обращения иноверцев в православие⁴⁹.

Таковой переход от безмолвия к многолюдству начал отягчать мою слабую душу. Замеченное в самом себе тщеславие, рассеянность и невоздержанность, прикрывавшиеся наружным видом благочестия, изострили жало совести, и я решился спасти себя бегством из сего грехопадного для меня места.

Приглашенный настоятелем⁵⁰ и братиею, я вторично переместился в Симон на больничную вакансию и начал жить там в глубоком уединении при келлии старца моего Илариона⁵¹. Его назидательные советы и почти непрерывная молитва, составлявшая главнейшее занятие наше, согревали и утешали меня при опытах внутреннего делания...

Но вот, чрез год сей отрадной жизни начальство предложило мне принять должность наместника сей обители⁵². Неспособный по малодушию моему ни к каким должностям, я, соскучив самим собою, чрез год начал отказываться от сей должности и для скорейшего уклонения перешел в число иеромонахов Балтийского флота⁵³. Искушение преследовало меня, ибо, прибыв к сему месту, прямо определен дивизионным благочинным Балтийской эскадры. А отсюда впоследствии переместился в Черноморский флот⁵⁴.

Здоровье мое весьма приметно расстроилось, и истощение старческих сил заставило уволиться и от сей, хотя и спокойной от сует должности⁵⁵. Получа похвальный аттестат (подобно как и за прежде бывшие должности) и возвращаясь на родину, я просился под кров преподобного Сергия в лавру в число больничных, к чему было соизволение и отца наместника лавры⁵⁶: но мне отказано вследствие замеченного непостоянства моего, свидетельствуемого переменою многих мест жительства...⁵⁷ Просился в ставропигиальный Воскресенский монастырь: и в сем контора Святейшего Синода отказала мне на том же вышесказанном основании⁵⁸.

Итак, испросивши благословение Преосвященного Калужского⁵⁹ и согласие настоятеля Пафнутиева Боровского монастыря⁶⁰, я принят в оном на богаделенную — больничную вакансию, где нахожусь и поныне⁶¹. Престарелые лета мои (67)⁶² и жизнь, исполненная хронических и даже неисцельных болезней, без всяких палиативных средств влачится — по щадению Божию — среди посильного терпения и полумертвого, страдательного существования на сей земле. Да будет святая воля Божия, терпением очищающая нечистоту моего сердца и правосудно воздающая комуждо по делом его!!! [Пс 61. 13; Рим 2. 6; Откр 22. 12]

Таким образом исполнив желание Вашего превосходительства, в полноте глубочайшего высокопочитания моего и истинной преданности имею честь быть Вашего превосходительства усерднейший богомolec недостойный иеромонах Арсений Троепольский.

21 августа 1865. В Москве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ОР РГБ, ф. 214, Опт.-449, л. 52–64.

² См. примеч. 20.

³ «Тропник, или Малый путь ко спасению», популярный в России перевод сочинения Римского папы Иннокентия III, осуществленный Феодором Гозвинским.

⁴ Т. е. по книге «Лествица» прип. Иоанна Лествичника.

⁵ Свт. Димитрий (Туптало; 1651–1709 г.), митрополит Ростовский.

⁶ Т. е. из книги Деяний святых апостолов.

- ⁷ В источнике подобное приложение отсутствует. Вероятно, об этом же тексте о Арсений говорит в другом своем произведении: «Я... несколько раз в жизни решался писать себе убеждение, чтобы, уклоняясь от кружения в стражах, чаще вспоминать о своем назначении, всегда быть в присутствии Божиим и непрестанно молиться. Эта мера образумления самого себя была предприемлема с давнего времени. Так что ведет начало свое с тринадцатилетнего возраста моей жизни, когда я, пламенея желанием созерцательной жизни, написал для воспоминания своего убедительные записки» (*Арсений (Троепольский), иером.* Письма о плодотворности... С. 469).
- ⁸ Видимо, имеется в виду рассказ о мьгарствах блаженной Феодоры, который содержится в Житии прп. Василия Нового в Четвх-Минях под 26 марта.
- ⁹ Т. е. на чердак.
- ¹⁰ Эти записки, возможно в более поздней редакции, вошли в составленную иеромонахом Арсением книгу «О Священном Писании» (ОР РГБ, ф. 178, № 10953).
- ¹¹ Георгий Кедрин, византийский хронист рубежа XI и XII вв., составитель «Исторического синописа».
- ¹² Первоначально Валентин Троепольский получил домашнее образование — воспитывался «в доме отца». После этого он готовился к поступлению в Московский университет. Вступительный экзамен был сдан 28 сентября 1820 г., зачисление состоялось 30 сентября. В это время Валентину было 16 лет, но в университетском деле указан возраст 17 лет. Самое интересное, что именно в 1820 г. 29 января было подписано специальное распоряжение, ограничившее возраст поступления в университет 17 годами. Напрашивается мысль, что в дело могла быть внедрена намеренная ошибка с целью избавить юношу от неприятностей при поступлении. На протяжении жизни Валентин в документах иногда указывал, что обучался на «филологическом курсе», т. е. на словесном отделении университета, а иногда — на «этико-политическом факультете», т. е. на нравственно-политическом отделении. По списку прослушанных им предметов из аттестата видно, что он посещал курсы, относившиеся как к словесному (поэзия, риторика, история, латинский язык), так и к нравственно-политическому (богословие, российское практическое судопроизводство, политическая экономия, римское право, право политическое и народное) отделениям. Под влиянием аскетического настроения Валентин, не окончив полный курс, вышел из университета 19 февраля 1825 г. Его прошение звучало довольно резко: «Не желая более находиться в сем университете, прошу дать мне о поведении и учении моем... свидетельство» (ЦИАМ, ф. 418, оп. 117, д. 327; оп. 122, д. 88).
- ¹³ Вероятно, речь идет о молитве из акафиста Страстям Христовым.
- ¹⁴ «Келейный летописец» свт. Димитрия Ростовского, в котором излагалась священная история.
- ¹⁵ Т. е. за описанный в тексте период с 1808 по 1821 г.
- ¹⁶ Ныне местонахождение упомянутых текстов неизвестно.
- ¹⁷ См.: «Бог же силен обогатит вас всякою благодатью, чтобы вы, всегда и во всем имея всякое довольство, были богаты на всякое доброе дело» [2 Кор 9. 8].
- ¹⁸ ОР РГБ, ф. 214, Опт.-449, л. 89–99.
- ¹⁹ Петр Иванович Троепольский († 1824 г.), дворянин, губернский секретарь. Жил в Москве в Шапочном переулке в Якиманской части (Указатель жилищ и зданий в Москве, или Адресная книга. М., 1826. С. 77). Владел деревней Задней в Волоколамском уезде с 26 душами крестьян. В 1819 г. подал в суд прошение на своего соседа помещика Сергея Васильевича Шереметева, который поставил на реке Иночи мельницу и плотину и залил луга Троепольского (ОР РГБ, ф. 817, к. 46, д. 17).
- ²⁰ Мария Петровна Троепольская († 1816 г.). В справочнике «Московский некрополь» упомяната девица Елизавета Петровна Троепольская (1816–1851 гг.), похороненная в Ваганьково, как и Мария Петровна (Московский некрополь. Т. 3. СПб., 1908. С. 223). Скорее всего, Елизавета была сестрой иеромонаха Арсения (Валентина), а соответствие дат рождает предположение, что Мария Петровна умерла при родах.

- ²¹ Церковь Живоначальной Троицы в Троицкой слободе, на подворье Троице-Сергиевой лавры, рядом с резиденцией Московских митрополитов.
- ²² Мелхиседек (Сокольников; 1773–1853 гг.), архимандрит.
- ²³ Иларион (Ремезов; около 1784–1852 гг.), иеромонах. В «Очерке жизни старца Илариона, иеромонаха и духовника Московского общежительного Симонова монастыря» (Странник. 1863. № 4. 1 паг. С. 5–16) о. Арсений рассказал, что с самого поступления в Симонов монастырь проникся уважением и душевной преданностью к старцу Илариону, вверил себя его руководству. Молодой монах пользовался наставлениями старца, ежедневно открывал ему свою совесть. Иеромонах Иларион многому научил его: «Сколько услышал я от него светлых и глубоких истин относительно монашества! Как много раскрыл он мне познаний о внутренней молитве и сердечном делании, — познаний для меня новых и изумительных!» Они нередко молились вместе, и, как признавался о. Арсений, «во время сей молитвы весьма ощутителен бывал перелив молитвенной его силы в леностную мою душу». Старец Иларион много писал, составлял жития святых, исторические описания монастырей, делал подборки текстов Священного Писания, мнений отцов Церкви по различным вопросам. Очевидно, под его влиянием и сам о. Арсений (Валентин) всерьез взялся за перо.
- ²⁴ Из всех чудотворных ярославских икон «новоявленной» в тот момент могла быть только Ярославская Печерская икона Божией Матери. Это была фреска в церкви в честь Происхождения честных древ Креста Господня при Ярославском архиерейском доме, она прославилась чудотворением в 1823 г. В другом тексте писатель упоминал об этом же паломничестве: «Благоговейное иступление перед Иконою Божией Матери в Я[рославле]. Оставило глубокое впечатление и утешительные воспоминания» (*Арсений (Троепольский), иером.* Письма о плодотворности... С. 516).
- ²⁵ Настоятелем Троице-Сергиевой лавры был тогда Московский архиепископ Филарет (Дроздов; 1782–1867 гг.). Валентина, скорее всего, принял наместник монастыря архимандрит Афанасий (Федоров; † 1831 г.).
- ²⁶ Иннокентий (Порецкий; 1773–1847 гг.), архимандрит.
- ²⁷ Несколько измененные слова прокимна из чина отпевания мирян («Блажен путь, воньже идеши днесь, душе, яко уготовася тебе место упокоения»). Автор хочет показать, что для мира он умер.
- ²⁸ Мелхиседек (Сокольников), см. примеч. 22
- ²⁹ См. примеч. 23.
- ³⁰ Софроний (1770/71–1827 гг.), схимонах (ЦИАМ, ф. 420, оп. 1, д. 230, л. 10 об. — 11).
- ³¹ Эта рукопись сохранилась под названием «Учение молитве» (ОР РГБ, ф. 214, Опт.-655).
- ³² Текст Иисусовой молитвы.
- ³³ Преподобный Мефодий († 1392 г.), игумен Пешношский. Память отмечается 4 и 14 июня.
- ³⁴ Феодосий (Бакуревич; 1793/94–1827 гг.), иеродиакон (ЦИАМ, ф. 420, оп. 1, д. 230, л. 4 об. — 5).
- ³⁵ См. примеч. 12.
- ³⁶ 3 марта 1830 г. принял постриг с именем Арсений, 12 января 1831 г. рукоположен во диакона, 24 октября 1832 г. — во иерея (ЦИАМ, ф. 420, оп. 1, д. 270, л. 4 об. — 5).
- ³⁷ См. примеч. 23.
- ³⁸ Переход в Оптину пустынь состоялся летом 1833 г., не позднее июля (*Арсений (Троепольский), иером.* Письма о плодотворности... С. 470; ОР РГБ, ф. 213, к. 1, д. 1, л. 270 об. — 271). Автор сравнивает суетную жизнь в московском монастыре с «плинфоделанием египетским» (т. е. изготовлением кирпичей, которым занимались евреи во время египетского плена), а Оптину пустынь — с Землей обетованной. В другом своем произведении о. Арсений пишет об Оптиной: «Я вступил в сие общежитие... с намерением удобнейшего благоустройства внутренней моей жизни... Хотя в начале грубость и своенравие мое и испытывали некоторое уныние; однако

ж вскоре раскрылся вкус в безмолвии, и уединенное чтение отеческих книг, и в особенности Филокалии, начало питать сердце». В новой обители укрепился интерес о. Арсения к изучению молитвы, к чтению святых отцов (книгу «Филокалия», или «Добролюбие», особенно ценили в Оптиной пустыни). Здесь он начал делать подробные записи о своем молитвенном опыте (*Арсений (Тропольский)*, иером. Откровенное послание пустынного отшельника к своему старцу и наставнику во внутренней молитве. Л. 2 об. — 3).

³⁹ Главным старцем в Оптиной пустыни был тогда иеросхимонах Лев (Наголкин; 1768–1841 гг.). В 1834 г. ему стал помогать приехавший в обитель иеромонах Макарий (Иванов; 1788–1860 гг.).

⁴⁰ Скит св. Иоанна Предтечи.

⁴¹ Духовную.

⁴² Владимир (Алявдин; 1791–1845 гг.), епископ Чигиринский, викарий Киевской епархии, впоследствии архиепископ Tobольский. О. Арсений скорее всего познакомился с ним во время пребывания в Оптиной пустыни. В это время о. Владимир был настоятелем лихвинского Доброго Покровского монастыря (ближайшего к Оптиной) и ректором Калужской Духовной семинарии. В 1835 г. он был хиротонисан во епископа и тогда же пригласил о. Арсения в Киев.

⁴³ В братство Киево-Печерской лавры о. Арсений вступил 12 октября 1835 г. (РГАДА, ф. 1198, оп. 2, д. 5430, л. 14–14 об.). Таким образом, он жил в Оптиной пустыни не 3, а 2 года.

⁴⁴ В письме к игумену Антонию (Путилову) в Оптину пустынь от 14 декабря 1835 г. о. Арсений добавляет, что грыжа «завелась» от «непомерного крику», царящего во время лаврского богослужения. Одновременно он признается: «Я после общежительных монастырей тупо [туго?] привыкаю к лаврским обычаям». Возможно, из-за этого он подал прошение об оставлении священнослужения. Его просьба была исполнена: «И так я теперь уже по праву освобожден от всех действий иерейских; даже не надеваю и епитрахили, и не благословляю трапезы, и сообщаюсь у врат» (ОР РГБ, ф. 213, к. 58, д. 2, л. 1 об.).

⁴⁵ Киевский Златоверхий Михайловский монастырь — резиденция Чигиринских епископов. Перемещение туда о. Арсения состоялось 23 января 1836 г., а членом Чигиринского духовного правления он был назначен 6 февраля того же года (РГАДА, ф. 1198, оп. 2, д. 5430, л. 14–14 об.; ГА ГС, ф. Р–567, оп. 6, д. 96, л. 30).

⁴⁶ Игнатий (Брянчанинов; 1807–1867 гг.), архимандрит, впоследствии епископ Кавказский. О. Арсений был зачислен в братство Троице-Сергиевой пустыни (Санкт-Петербургской епархии) 11 января 1837 г. (РГАДА, ф. 1198, оп. 2, д. 5430, л. 14–14 об.).

⁴⁷ Это произошло в декабре 1837 г. (Там же).

⁴⁸ Московская Духовная семинария в то время размещалась в Заиконоспасском монастыре.

⁴⁹ Московский комитет для разбора и призрения просящих милостыни к этому времени только что открылся (в 1838 г.). Состоя в нем, о. Арсений должен был вернуться к священнослужению. Вдобавок, как указано в его формулярном списке, он «преподавал призвавшимся духовные поучения с отличною ревностю и благим успехом». В результате 6 человек, «принадлежавших разным сектам и расколам», его стараниями присоединились к православной Церкви (РГАДА, ф. 1198, оп. 2, д. 5430, л. 14–14 об.). В это время иеромонах познакомился с президентом комитета и бывшим обер-прокурором Синода С. Д. Нечаевым.

⁵⁰ См. примеч. 22.

⁵¹ Переход в Симонов монастырь состоялся 7 ноября 1845 г. (ГА ГС, ф. Р–567, оп. 6, д. 96, л. 30).

⁵² Должность наместника он временно исправлял с 25 июня 1846 г. из-за болезни наместника иеромонаха Паисия (Там же).

⁵³ Здесь автор сокращает ход событий. Сначала он по своему прошению в июле 1847 г. переместился в Саввино-Вишерский монастырь (Новгородской губернии), где его

- ожидала «беспокойная жизнь». Весной 1849 г. иеромонах Арсений отправился в «годичное странствие» по обителям, в частности в октябре обнаруживаем его в Глинской пустыни. В 1850 г. он уже вернулся в Саввино-Вишерскую обитель. Вероятно, в июле 1851 г. он был командирован из монастыря на Балтийский флот и назначен благочинным 1-й дивизии (РГАДА, ф. 1198, оп. 2, д. 5430, л. 14–14 об.; *Арсений (Тропольский), иером.* Откровенное послание пустынного отшельника к своему старцу и наставнику во внутренней молитве. Л. 6 об., 15 об.—16, 20 об.; *он же.* Письма о плодотворности... С. 535).
- ⁵⁴ На Черноморский флот он переместился скорее всего осенью 1851 г. Служил в Одессе, к которой относятся отдельные его записи с октября 1851 по апрель 1852 г. (*Арсений (Тропольский), иером.* Письма о плодотворности... С. 475, 515, 521, 529, 543).
- ⁵⁵ В марте 1852 г. его постигла «отчаянная болезнь», приблизившая к смерти. Он был вынужден перейти в запасные иеромонахи в Балаклавский Георгиевский монастырь в Крыму — прибежище флотских священников, куда был определен 7 июня того же года. С 7 сентября по 18 октября находился на 84-пушечном корабле Черноморского флота «Гавриил». В июне—июле 1853 г. проходил лечение в Севастопольском морском госпитале (ГА ГС, ф. Р-567, оп. 6, д. 96, л. 30).
- ⁵⁶ Антоний (Медведев; 1792–1877 гг.), архимандрит. О. Арсений выехал из Крыма в Троице-Сергиеву лавру в июле 1853 г., незадолго до начала Крымской войны (Там же).
- ⁵⁷ Не попав в братство Троице-Сергиевой лавры, о. Арсений не остался без пристанища. Осенью 1853 г. он отправился в Калужскую губернию, недолго гостил в Оптиной пустыни, о чем есть упоминание в летописи ее скита (ОР РГБ, ф. 214, Опт.-361, л. 161 об.), а в конце того же года добрался до малоярославецкого Черноостровского монастыря и был определен туда за штат 2 июля 1854 г. (РГАДА, ф. 1198, оп. 2, д. 5430, л. 14–14 об.; *Арсений (Тропольский), иером.* Откровенное послание пустынного отшельника к своему старцу и наставнику во внутренней молитве. Л. 25). Игумен обители Никодим (Демутье) в переписке с Оптиной пустынью упоминает составленное о. Арсением «Поучительное размышление при чтении жизни святителя и чудотворца Николая в Николаевском Малоярославецком монастыре». Этот текст, пока нам неизвестный, игумен Никодим был готов опубликовать, в случае если старец Макарий дал бы свое благословение (ОР РГБ, ф. 213, к. 82, д. 25, л. 3 об.).
- ⁵⁸ По словам о. Арсения, весна и лето 1855 г. протекли в очередном «странствовании», которое привело его в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. Хотя он и не был определен в эту обитель, но фактически прожил там, вероятно, с осени 1855 по август 1856 г. После этого о. Арсений вновь вернулся в Калужскую губернию. Конец 1856 и начало 1857 г. он провел в калужском Лаврентьевском монастыре (*Арсений (Тропольский), иером.* Откровенное послание пустынного отшельника к своему старцу и наставнику во внутренней молитве. Л. 38 об.—40 об.; *он же.* Письма о плодотворности... С. 481, 507, 526–527, 530).
- ⁵⁹ Григорий (Митькевич; 1807–1881 гг.), епископ (впоследствии архиепископ) Калужский. Возглавлял кафедру 30 лет, неоднократно отказываясь переходить в другие епархии. Проявил большую заботу о монастырях, оказывал покровительство старчеству.
- ⁶⁰ Геннадий (Горнетский; † 1868 г.), архимандрит.
- ⁶¹ Определен в Боровский Пафнутьев монастырь 16 марта 1857 г. (РГАДА, ф. 1198, оп. 2, д. 5430, л. 1–1 об.). Эта обитель стала местом последнего и наиболее длительного пребывания иеромонаха Арсения. Здесь его постоянно преследовали болезни, и он неоднократно отлучался для лечения в Москву. Перед самой кончиной он тоже отправился на лечение, на этот раз в село Наро-Фоминское (Верейского уезда Московской губернии). В июле 1870 г. в Боровскую обитель пришло письмо священника церкви Николая Чудотворца этого села Иакова Соколова: «Вашего монастыря иеромонах Арсений... сего 1870-го года июля 7-го дня умер и 9-го того же июля мною погребен по обряду православной Церкви» (Там же, д. 5788, л. 1).
- ⁶² О. Арсений неверно указал свой возраст, когда он писал письмо, ему был 61 год.